

И.Г. Чаплыгина

*к.э.н., доцент, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва*

ТРАКТОВКА ТВОРЧЕСТВА М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье исследуется оценка теоретического наследия русского экономиста М.И. Туган-Барановского в западной литературе. Выделяются три волны интереса к работам экономиста, их отличительные особенности. Особое внимание уделяется кейнсианской интерпретации теории циклов Туган-Барановского, а также современной оценке его теории ценности.

Ключевые слова: М.И. Туган-Барановский, теория циклов, кейнсианство, теория ценности, русская экономическая мысль.

Классификация JEL: A13, B13, B14, B15, B31.

Михаил Иванович Туган-Барановский относится к тому небольшому числу русских экономистов рубежа XIX–XX вв., чье имя и наследие достаточно быстро получили известность в западной литературе.

Можно выделить три волны интереса к его творчеству, возникавшие на протяжении XX века.

Первая относится к началу века и связана в первую очередь с переводом его наиболее известной [Шумпетер, 2001. С. 1481] книги «Промышленные кризисы в Англии» на немецкий (1901 г.) и французский (1913 г.) языки, а также с выходом на немецком языке его работы «Теоретические основания марксизма» (1905 г.). Благодаря первой книге М.И. Туган-Барановский получил широкую известность как разработчик теории циклов, а второй – как последователь и критик марксизма, «самый выдающийся из этих полумарксистских критиков Маркса» [там же. С. 1160].

Вторая – ко второй половине 1960-х – началу 1970-х гг. По всей видимости, она была вызвана целым комплексом факторов. Свое влияние оказало развитие советологии в связи с формированием биполярной системы [Нув, 1993] в послевоенный период. Развитие нового рикардизма также является причиной возросшего интереса к работам Туган-Барановского, в частности, к его воспроизводственным схемам и интерпретации Маркса. Определенную роль сыграло и пятидесятилетие смерти экономиста. В этот период появляется целый ряд статей, посвященных наследию Туган-Барановского [Kindersley, 1962; Kowal, 1965, 1973; Nove, 1970, Dostaler et al., 1978]. А в 1970 г. выходит перевод «Русской фабрики» на английский язык (на немецком – в 1900 г.), благодаря чему для экономистов открывается совершенно новая сторона научного наследия Туган-Барановского. Он получает признание как серьезный историк экономики, сумевший выделить целый ряд как концептуальных особенностей развития экономики России (роль общины, артели, кустарного производства, анализ конкуренции между фабриками и кустарным производством), так и более общих закономерностей истории индустриализации (идея преимущества отсталых стран в плане темпов индустриализации, роль торгового капитала в создании промышленности,

проблема свободной рабочей силы как важного ресурса для становления промышленности) [Nove, 1970]. Работа вызвала большой интерес еще и потому, что, как отметил Дж. МакКей, она явила собой редкий случай представить Россию «не апатичной бедной страной царей и не страной сверхчеловеческих маршей демонических Комиссаров», а увидеть «тот период в развитии России, когда все более стремительный прогресс капиталистической промышленности, казалось, мог направить Россию к росту богатства и совершенствованию общества» [McKey, 1972].

Третья волна интереса приходится на 1990-е гг., когда значительно упрощаются въезд в страну для западных исследователей, а также доступ к научным архивам. На этом этапе наследие М.И. Туган-Барановского анализируется уже более полно и в значительно меньшей связи с марксистской традицией. На первый план выходят особенности его методологии, социальных взглядов, а также его теория ценности¹.

1. М.И. Туган-Барановский как автор теории циклов

Как уже было сказано, благодаря немецкому переводу «Промышленных кризисов...» Туган-Барановский стал известен в первую очередь как автор первой эндогенной теории циклов. И хотя Й. Шумпетер достаточно скромно оценил его вклад в данную теорию [Шумпетер, 2001. С. 1481], значение его работ для развития этого направления экономических исследований стало общепризнанным. Его влияние на континентальную теорию цикла, в первую очередь на А. Шпитгофа и Г. Касселя, было признано Дж.М. Кейнсом и подробно описано в работе Э. Хансена. В частности, Дж.М. Кейнс в «Трактате о деньгах» 1930 г. упоминает Туган-Барановского как основоположника и наиболее оригинального представителя континентальной теории цикла. Алвин Хансен в своей книге «Деловые циклы и национальный доход» 1951 г. сравнивает его роль в развитии теории деловых циклов с ролью А. Смита в развитии политической экономии.

При этом сама теория получает двойственную оценку. С одной стороны, она рассматривается как продолжение классической традиции, восходящей, в частности, ко взглядам Дж.С. Милля, согласно которому, решающую роль играет накопление капитала в период кризисов, которое понижает процентную ставку и тем самым заставляет предпринимателей искать новые виды вложения своих средств. С другой стороны, Хансен пишет, что теория Туган-Барановского «ворвалась в науку как свежий морской ветер» [Хансен, 1959. С. 301]. В этой связи он сравнивает его теорию с книгой Адама Смита, в которой «нет ни одной новой идеи; и все же книга эта перевернула экономическую науку вверх дном» [Хансен. С. 365]. Главной идеей, кардинально изменившей традиционное понимание механизмов цикла, Хансен считает утверждение Туган-Барановского, что инвестиции не следуют за спросом, но сами порождают волну нового спроса [там же. С. 375].

В целом Хансеном дается кейнсианская интерпретация теории циклов Туган-Барановского. Подчеркивается важность критики закона рынков Сэя и близость аргументации русского экономиста идеям Мальтуса [там же. С. 365]. Высокую оценку получают проведенное Туган-Барановским различие между ссудным (свободным, несвязанным) капиталом и реальным промышленным и его идея, что рост первого еще не означает роста второго, и зачастую динамика этих двух показателей бывает разнонаправленной. Данное Туган-Барановским описание механизма разворачивания бума, когда единичные инвестиции в основной капитал порождают волну нового спроса как на продукцию смежных отраслей, так и на предметы потребления со стороны новых групп рабочих, Хансен

¹ См. серии статей таких авторов, как М. Howard and J. King, V. Barnett, J. Zweynert, F. Allisson, N. Nenovsky.

интерпретирует как проявление мультипликатора. Именно идею Туган-Барановского о роли инвестиций, провоцирующих «процесс развертывания мультипликатора», Хансен считает поворотной для дальнейшего развития теории циклов.

При этом бросается в глаза практически полное игнорирование Хансеном влияния марксизма на теорию русского экономиста. В частности, такие характерные особенности его теории, как выделение основного капитала и его динамики как ключевого фактора циклических колебаний, а также концентрация внимания на объективных причинах цикла², которые объясняются приверженностью Туган-Барановского марксистской традиции, не получают исторического объяснения в книге Хансена. Не вызывает интереса у Хансена и еще одна идея русского экономиста, что в механизме цикла большую роль играют диспропорции в распределении дохода и капитала, порожденные стихийным характером капиталистического производства, которая предполагает марксистское видение экономики.

В 1960-е гг. появляется целый ряд работ, дающих кейнсианское прочтение наследия Туган-Барановского. В частности, на первый план выходит поставленная им проблема реализации при капиталистическом способе производства. В своей работе 1967 г. «Проблема эффективного спроса у Туган-Барановского и Розы Люксембург» Михал Калецки [*Kalecki, 1991 (1967)*] исследует предложенное первым решение проблемы перепроизводства, обусловленного производством ради производства. Он подчеркивает верность идеи русского экономиста, что целью капиталистического производства является не потребление, а прибыль, и потому расширение спроса на средства производства, если оно обеспечивает ее, может в полной мере компенсировать сжатие спроса на предметы потребления, связанное с замещением труда капиталом. В то же время М. Калецки замечает, что Туган-Барановский недооценивает важность мотивации к инвестициям и возможные проблемы, возникающие в связи с ее недостатком.

Кейнсианская интерпретация идей Туган-Барановского прослеживается, на наш взгляд, и в статье Алека Ноува «М.И.Туган-Барановский», вышедшей в 1970 г. С одной стороны, он старается показать, что классические элементы теории Туган-Барановского не являются «жестким ядром» его воззрений. Например, встречающуюся в работах русского экономиста защиту «догмы Сэя» А. Ноув оправдывает ситуативными целями, а именно его противостоянием народникам (Данилевскому, Воронцову) и их концепции мелкоотварного производства, фактически опиравшейся на антисэевские тезисы Сисмонди о неизбежности перепроизводства [*Nove, 1970. P. 115*]. Говоря о воспроизводственной модели Туган-Барановского, которая не предполагает возможности перепроизводства, Алек Ноув акцентирует внимание на упрощениях, которые сознательно применяет первый: предпосылке о полной информации о потребностях рынка и объемах выпуска всех отраслей экономики, мобильности капитала, а также об отсутствии внешней торговли. Тем самым он интерпретирует эти предпосылки как условия возможного расхождения между спросом и предложением в теории Туган-Барановского.

С другой стороны, Ноув дает кейнсианское прочтение некоторым элементам теории русского экономиста. Он обращает внимание на использование Туган-Барановским предпосылки о «возрастающей склонности к сбережению» [*ibid.*], а также акцентирует внимание на описываемых в работе русского экономиста препятствиях для превращения сбережений в инвестиции. И хотя Ноув признает, что главной причиной диспропорций в концепции Туган-Барановского являются несовершенство информации, стихийность капиталистического производства, он подчеркивает, что фактически речь идет об отсут-

² В частности, Хансен отмечает, что Туган-Барановский почти не оценил статью Дж. Милльса о влиянии оптимистических и пессимистических настроений на динамику цикла в связи с тем, что считал необходимым искать «объективные» причины колебаний экономики.

ствии автоматического механизма превращения сбережений в инвестиции, связанного с фактором неопределенности, неизвестностью спроса и структуры предложения в смежных отраслях.

Он также обращает внимание на идею Туган-Барановского о том, что сбережения являются автономным явлением в экономике, они возникают не в связи с потребностью хозяйствующих субъектов инвестировать и не в ответ на уровень процента, а как результат определенных видов дохода (рента, фиксированный процент) [ibid.]. Помимо этого, описанная Туган-Барановским понижающая динамика спроса и уровня дохода, которая изначально возникает в результате роста сбережений, а затем уже сама по себе провоцирует все большее сокращение спроса и дохода, т.е. носит кумулятивный характер, интерпретируется Ноуом как концепция мультипликатора³.

2. Политэкономическая система Туган-Барановского и ее оценка в западной литературе

Основываясь на политэкономических воззрениях Туган-Барановского, его считали в первую очередь последователем и критиком К. Маркса. На современном этапе, а точнее для третьей волны интереса к исследованиям русского экономиста, характерен более широкий взгляд на его наследие. В первую очередь стоит упомянуть уже цитированного Алека Ноува, согласно которому, Туган-Барановский сыграл роль А.Маршалла в развитии русской экономической науки. Такая оценка обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, Ноув пишет, что политэкономическая работа Туган-Барановского является первой самостоятельной российской экономической теорией. Работы, появившиеся до этого, представляли собой либо чисто эмпирические исследования, создававшиеся под влиянием исторической школы Германии, либо некритические воспроизведения теорий австрийской школы или Маркса. Во-вторых, синтетический характер работы Туган-Барановского, его попытка объединить две традиции – классическую и маржиналистскую, и на их основе создать новую теорию ценности также сближает работы русского экономиста с подходом А. Маршалла. В-третьих, Ноув подчеркивает высокий педагогический уровень работ Туган-Барановского – хороший язык, системное изложение, – что позволило превратить его книгу в успешный учебник, по которому училось несколько поколений экономистов.

В статье В. Барнетта [Barnett, 2004] анализируется влияние исторической школы на экономические взгляды Туган-Барановского. Акцент делается на оригинальности его метода, в частности, роли этического фактора в его экономических воззрениях.

Совершенно новой является попытка представить Туган-Барановского как основателя особого течения экономической мысли – «русского синтеза», осуществленная Ф. Аллиссоном в сравнительно недавно вышедшей работе «Стоимость и цена в русской экономической мысли» [Allisson, 2015]. В ней автор указывает на то, что на рубеже XIX–XX вв. сформировалось целое направление, стремившееся синтезировать классическую трудовую теорию стоимости с маржиналистской теорией ценности, которое, с одной стороны, близко маршаллианскому подходу, а с другой – имеет свои особенности. Последние связаны со специфической традицией интерпретировать классическую трудовую теорию, сложившейся в России, а также особым, характерным для многих русских экономистов, восприятием маржинализма, и, как следствие, сформировавшейся тесной теоретической связью между такими категориями как труд, стоимость и ценность [ibid. P. 164]

³ Если говорить о тенденции проводить параллели между взглядами Туган-Барановского и Кейнса, то следует упомянуть статью В. Барнетта 2001 г. [Barnett, 2001. Pp. 151–169], в которой сопоставляются взгляды двух экономистов по проблеме денежного обращения и золотого стандарта периода Первой мировой войны.

Аллиссон выделяет два этапа формирования русского синтеза. Первый представляет собой синтез теорий К. Маркса и К. Менгера и является ответом на так называемую «проблему трансформации», т.е. попыткой спасти марксистскую трудовую теорию стоимости от возникшей в связи с публикацией третьего тома «Капитала» критики [ibid. Pp. 109–114]. Вторым этапом, к которому относятся работы Дмитриева, Борткевича, Шапошникова, Юровского, представляет собой математическую интерпретацию трудовой теории Д.Рикардо и К.Маркса и ее синтез с теорией общего равновесия Л. Вальраса.

В рамках такого подхода дается особая интерпретация теоретического наследия Туган-Барановского. Он предстает как основоположник «русского синтеза», определивший на долгое время основные подходы в теории ценности русской школы. В первую очередь Аллиссон подчеркивает, что маржиналистская теория полезности, в связи с тем, что она была воспринята именно в австрийской версии, не могла расцениваться русскими экономистами как самодостаточная, полностью объясняющая феномен ценности экономических благ, поскольку опиралась на методологию, крайне необычную для сформировавшейся к тому времени русской традиции. Методологический индивидуализм и субъективизм приводили к тому, что для русских экономистов, находившихся под влиянием марксизма и исторической школы, она являлась лишь отражением одной из сторон проблемы ценности, требовавшей дополнения в виде теории, которая бы раскрывала объективные причины этого феномена. На втором этапе синтеза, когда экономисты обратились к более универсальной теории Вальраса, эта особенность проявилась в том, что, по мнению Аллиссона, вальрасовская теория производства была практически полностью проигнорирована [ibid. P. 114] русскими авторами, т. е. маржиналистская теория продолжала восприниматься как теория спроса, а следовательно, как такая, которая лишь частично раскрывает проблему ценности.

В этой связи естественным стало стремление дополнить теорию полезности классической теорией стоимости, которая представлялась авторам как отражающая объективные причины ценности экономических благ. При этом Аллиссон подчеркивает общую особенность восприятия классической теории русскими экономистами, сформировавшуюся, в частности, под влиянием трудов Н.И. Зиберы – ведущего интерпретатора и распространителя рикардизма и марксизма в России. Она проявилась в том, что теории стоимости Рикардо и Маркса воспринимались как одна традиция, причем марксистская. Кроме того, концепции затрат труда и издержек производства рассматривались как две составляющие одной теории [ibid. Pp. 35–46].

Указанные выше особенности представляются Ф. Аллиссоном характерными в целом для русской традиции, и в трудах Туган-Барановского они лишь получают свое оформление. Выделяя оригинальные черты теории русского экономиста, автор на первый план выводит роль социальной теории К. Маркса, а также особенности методологии Туган-Барановского, связанные с влиянием кантовской философии.

В целом суть синтетического подхода к теории ценности Туган-Барановского Ф. Аллиссон описывает в форме таблицы [ibid. P. 113].

Таким образом, теория ценности Туган-Барановского предстает как совмещение четырех пластов – субъективных и объективных причин феномена ценности и логического и исторического их проявления. В результате в теории Туган-Барановского согласуются четыре подхода к теории ценности. Теория предельной полезности отражает субъективные причины ценности и является логической категорией, которая получает свое историческое воплощение в виде реальных меновых пропорций, цен. Теория трудовых издержек предстает как логическая категория, отражающая объективные причины ценности, которая в свою очередь исторически, т.е. в реальности, выражается в виде затрат производства (относительных издержках).

В рамках такого подхода сами категории «ценность» и «цена» предстают соответственно как логическое и историческое отражение одной и той же категории экономи-

Таблица

	Логические категории (универсальные)	Исторические категории (характерны для обменной капиталистической экономики)
Субъективные обменные причины ценности	Субъективная ценность <i>Предельная полезность</i>	Объективная ценность <i>Меновая ценность, покупательная спо- собность (цена)</i>
Объективные производ- ственные причины ценности	Абсолютные издержки <i>Издержки труда</i>	Относительные издержки <i>Затраты производства</i>

ческого блага. Ценность – это результат согласования логических категорий предельной полезности и издержек труда. Последние определяются «экономическим планом», т.е. технологически обусловленным распределением труда между отраслями. Цена же предстает как результат взаимодействия исторических категорий – цены спроса, определяемой покупательной способностью, и цены издержек капиталистического производства.

Обращает на себя внимание то, что в работе Аллиссона значимость концепции издержек труда для теории ценности Туган-Барановского объясняется влиянием не столько марксизма, сколько кантианской философии на его мировоззрение и методологию. Подчеркивается нормативная составляющая теории, согласно которой труд должен являться центральной экономической категорией в силу того, что он есть воплощение роли личности, человека в хозяйственной жизни. Именно кантианская идея абсолютной ценности личности рассматривается в работе Аллиссона как главный аргумент в защиту теории трудовых издержек. Акцент делается на гуманистической направленности теории Туган-Барановского и, в частности, критике марксистской теории как антигуманной, требующей переосмысления на новой основе, а именно на кантианской системе ценностей.

Еще одна особенность метода, которая подчеркивается в связи с теорией ценности, – влияние неокантианства, которое распространялось в первую очередь благодаря исторической школе Германии. Аллиссон обращает внимание на тезис Туган-Барановского, что экономическая наука, поскольку она является наукой о хозяйственной деятельности человека и создается человеком для людей, неизбежно исходит из первостепенности гуманистических ценностей, т.е. опять же ценности человеческой личности и труда как главной экономической категории, связанной с человеком⁴.

Упомянуты и холизм как характерная черта русской экономической мысли, которому подыскиваются общие культурологические основания, в частности, в русской философии, религиозной философии (например, концепция соборности⁵), а также выраженная практическая направленность теории Туган-Барановского, которая объясняется влиянием как неокантианства и исторической школы, так и марксизма и важностью для русского экономиста социальных вопросов. В этой связи можно сказать, что в работе Аллиссона делается попытка на основе анализа идей Туган-Барановского определить общие особенности русской экономической мысли рубежа XIX–XX вв.

⁴ «Но поскольку создаваемая человеком экономическая теория пишется с позиций человека, “человеческий труд является единственной субстанцией абсолютных издержек”» [Туган-Барановский. 1909. С. 78; Allisson, 2015. Р. 116].

⁵ Аллиссон опирается в своих выводах на исследования русской экономической мысли Й. Цвайнерта частности: [Цвайнерт 2007].

ЛИТЕРАТУРА

- Ноув А. (1993). Экономическая советология в Великобритании и Америке // Экономическая школа. Вып. 3. www.seinst.ru/page321.
- Хансен Э. (1959). Экономические циклы и национальный доход, М.: Изд-во иностранной литературы.
- Цвайнерт Й. (2007). История экономической мысли в России, 1805–1905. М.: ГУ ВШЭ.
- Шумпетер Й. (2001). История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Allisson F. (2015). Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey inside the Russian Synthesis, 1890–1920. L.; N.Y.: Routledge.
- Barnett V. (2001). Calling up the Reserves: Keynes, Tugan-Baranovsky and Russian War Finance // Europe-Asia Studies. Vol. 53. No. 1. 2001. Pp. 151–169.
- Barnett V. (2004). Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the “Russian Historical School” // History of Political Economy. Vol. 36. No. 1.
- Dostaler G. Valeur et prix. (1978). Histoire d'un débat. France: Press.
- Kalecki M. (1991) [1967]. The Problem of Effective Demand with Tugan-Baranovsky and Rosa Luxemburg // Collected Works of Michał Kalecki. Vol. II // Jerzy Osiatinyński (ed.). Oxford: Clarendon Press.
- Kindersley R. (1962). The First Russian Revisionists: A Study of Legal Marxism in Russia. Oxford: Oxford University Press.
- Kowal L. (1965). Economic Doctrines of M.I. Tugan-Baranovsky. Urbana: University of Illinois.
- Kowal L. (1973). The Market and Business Cycle Theories of M.I. Tugan-Baranovsky. Revista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali. Vol. 20. Part 4.
- McKey J. (1972). Review on “The Russian factory in the nineteenth century” // The Business History Review. Vol. 46. No. 1. Pp. 137–139.
- Nove A. (1970). M.I. Tugan-Baranovsky (1865–1919) // History of Political Economy. No. 2. Pp. 246–262.

Чаплыгина Ирина Геннадиевна

igch@yandex.ru

Irina Chaplygina

Ph.D (economics), Associate Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow

igch@yandex.ru

THE REFLECTION OF M. TUGAN-BARANOVSKY ECONOMIC THOUGHT IN THE WESTERN ECONOMIC LITERATURE

Abstract. The review of various reflections in the western economic thoughts of the role of M. I. Tugan-Baranovsky is represented in this article. Three waves of interest to the heritage of this Russian economist during XX century are highlighted. The keynesian interpretation of his cycle theory, as well as modern analysis of his theory of value are investigated in details.

Keywords: *M.I. Tugan-Baranovsky, cycle theory, Keynesian economics, theory of value, Russian economic thought.*

JEL Classification: A13, B13, B14, B15, B31.

REFERENCES

- Allisson F. (2015). Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey inside the Russian Synthesis. 1890–1920. L.; N.Y.: Routledge.
- Barnett V. (2001). Calling up the Reserves: Keynes, Tugan-Baranovsky and Russian War Finance // Europe-Asia Studies. Vol. 53. No. 1. 2001. Pp. 151–169.
- Barnett V. (2004). Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the “Russian Historical School” // History of Political Economy. 2004. 36:1.
- Dostaler G., Valeur et prix. (1978). Histoire d'un débat.
- Hansen A. (1959). Ekonomicheskiye tsikly i natsional'nyy dokhod [Economic cycles and national income]. M.: Izd-vo inostrannoy literatury.
- Kalecki M. (1967). The Problem of Effective Demand with Tugan-Baranovsky and Rosa Luxemburg // Collected Works of Michał Kalecki. Vol. II. Jerzy Osiatinyński editor. Clarendon Press. Oxford. 1991.
- Kindersley R. (1962). The First Russian Revisionists: A Study of Legal Marxism in Russia. 1962.
- Kowal L. (1965). Economic Doctrines of M.I. Tugan-Baranovsky. 1965.
- Kowal L. (1973). The Market and Business Cycle Theories of M. I. Tugan-Baranovsky. 1973.

- McKey J.* (1972). Review on “The Russian factory in the nineteenth century” // *The Business History Review*. Vol. 46. No. 1. Spring. 1972. Pp. 137–139.
- Nove A.* (1970). M.I. Tugan-Baranovsky (1865–1919) // *History of Political Economy*. No. 2. Pp. 246–262.
- Nove A.* (1993). *Ekonomicheskaya sovetologiya v Velikobritanii i Amerike* [Economic Sovietology in the United Kingdom and America] // *Ekonomicheskaya shkola*. Vyp. 3. www.seinst.ru/page321.
- Schumpeter J.* (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza*. T. 3. [History of Economic Analysis. Vol. 3]. SPb.: Ekonomicheskay shkola.
- Zweinert J.* (2007). *Istoriya ekonomicheskoy mysli v Rossii, 1805–1905* [History of Economic Thought in Russia, 1805–1905] M.: GU VSHE.